

ВЫМЫСЛЫ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ОЦЕНКАХ РОЛИ СССР НАКАНУНЕ И С НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Ковалёв Сергей Николаевич —

начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Оценка роли СССР в событиях кануна и начала Второй мировой войны длительное время является темой обсуждения политиков, учёных, специалистов и общественности. Сегодня связанные с этим антироссийские выпады зачастую базируются на искажённых и сфальсифицированных трактовках деятельности руководства СССР в тот период. Всё чаще в наше время появляются в СМИ мнения о том, что «началась новая холодная война»¹. Некоторые западные авторы отмечают: «...пришло время взглянуть в лицо горькой правде: Россия вернулась; она богата, сильна и снова враждебна. Партнёрство уступает место соперничеству, в котором всё сильнее прослеживаются угрожающие нотки. Началась новая холодная война — и мы, как и в сороковые годы прошлого века, слишком медленно это замечаем»². Обращает на себя внимание та лёгкость, с которой навешиваются ярлыки на государства, исторически связанные с Россией. Так, отмечается, что отдельные страны Европы, в частности «Болгария, Латвия и Молдова, уже сдались на милость России»³.

Делая попытки представить СССР зачинщиком Второй мировой войны или, в крайнем случае, возложить равную ответственность за её развязывание на «двух кровавых диктаторов» — Сталина и Гитлера, современные фальсификаторы используют в качестве своего излюбленного аргумента подписание 23 августа 1939 года договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Известно, что исторические факты следует рассматривать и оценивать только в контексте происходившего в конкретный период времени. Анализируя советско-германский договор, нельзя забывать и о другом соглашении, заключённом без малого за год до этого в

Мюнхене. Эти события тесно взаимосвязаны. Именно случившееся в столице Баварии во многом определило дальнейшую политику СССР.

Все, кто непредвзято изучал историю Второй мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы А. Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, которые связали бы Восточную Пруссию с основной частью Германии⁴. Первые два требования трудно назвать необоснованными. Подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы⁵, искренне желавшие воссоединения с исторической родиной. Вполне естественным было и требование насчёт дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии «польского коридора» при этом не покушались. Кстати, в отличие от западных границ Германия никогда добровольно не признавала внесённых Версальским договором территориальных изменений на востоке⁶.

Поэтому, когда Германия 24 октября 1938 года предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора»⁷, казалось, что ничто не предвещало осложнений. Однако ответом стал решительный отказ, как, впрочем, и на последующие аналогичные германские предложения. Стремясь получить статус великой державы, Польша никоим образом не желала становиться младшим партнёром Германии. 26 марта 1939 года Польша окончательно отказалась удовлетворить германские претензии⁸. Реакцией германской стороны стало аннулирование 28 апреля германо-польской декларации 1934 года о дружбе и ненападении⁹.

Тем временем западные демократии создавали у польского правительства необоснованные иллюзии, что в случае войны они окажут Варшаве необходимую помощь. 31 марта 1939 года премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен в палате общин публично заявил: «...в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши... правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом. Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту

же позицию, что и правительство Его Величества»¹⁰. Как показали дальнейшие события, эти обещания были заведомым обманом. Однако польское руководство принимало их за чистую монету и потому всё больше утрачивало чувство реальности.

Американский журналист У. Ширер, изучавший реалии польской жизни в течение 30 лет, прокомментировал предоставление английских гарантий Польше следующим образом: «Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нём соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно»¹¹.

Происходившие в Европе события, нарастающая агрессивность Германии не могли не вызывать беспокойства у советского руководства. Казалось бы, для сдерживания устремлений А. Гитлера следовало пойти на союз с западными демократиями. Однако, как отмечал У. Черчилль, «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку»¹². Было очевидно, что цель проводимой западными державами политики «умиротворения» Гитлера — направить агрессию Германии на восток, то есть против СССР. Как сказал Н. Чемберлен 12 сентября 1938 года накануне своей встречи с А. Гитлером, «Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»¹³.

В этой ситуации советское руководство сделало естественный вывод — сотрудничать с Англией и Францией можно только заручившись военным договором с чётко и недвусмысленно прописанными обязательствами сторон.

17 апреля 1939 года Москва предложила заключить англо-франко-советский договор о взаимопомощи следующего содержания:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §1 и §2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии, либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трёх держав согласия.

7. Соответствующее соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи»¹⁴.

Однако западных партнёров подобная постановка вопроса явно не устраивала. 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Э. Галифакс заявил, что «время ещё не созрело для столь всеобъемлющего предложения»¹⁵. Англия и Франция надеялись получить от Советского Союза односторонние обязательства. Так, на заседании кабинета министров 3 мая Галифакс сообщил о своём намерении запросить Россию: «не будет ли она готова сделать одностороннюю декларацию о том, что она окажет помощь в такое время и в такой форме, которая могла бы оказаться приемлемой для Польши и Румынии»¹⁶.

6 мая 1939 года временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов сообщил в Наркомат иностранных дел (НКВД) о реакции немецкой печати в связи со сменой наркома, которая пыталась

«создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желательном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т.п.)»¹⁷. Днём раньше, 5 мая, заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии К.Ю. Шнурре пригласил в министерство полпреда А.Ф. Мерекалова, который в тот же день уезжал в Москву, и сообщил ему, что договоры бывшего торгпредства в Праге с заводом Шкода, по мнению германского правительства, «должны выполняться».

«Соответствующие указания, — продолжал Шнурре, — даны военным властям и заводу Шкода». Он заверил, что «никаких препятствий к выполнению фирмой её обязательств отныне не предвидится»¹⁸. Это был явный жест немецкой стороны, поскольку только 17 апреля советские представители в Берлине протестовали против «вмешательства германских военных властей» в нормальную хозяйственную деятельность торгпредства¹⁹.

В.М. Молотов не торопился воспринимать немецкие сигналы. Он продолжал вести активные переговоры с Великобританией и Францией через их дипломатических представителей в Москве. 8 мая нарком принял британского посла У. Сидса, который передал ответ своего правительства на предложение СССР о заключении пакта о взаимопомощи. Ответ был обескураживающий. Британское руководство предлагало советскому правительству опубликовать декларацию, в которой оно обязывалось бы «в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленное содействие, если оно будет желательным»²⁰. Таким образом, англичане уклонились от конкретного ответа на вопрос о пакте, сводя его к опубликованию очередной декларации.

В тот же день нарком проинформировал полпреда во Франции Я.З. Сурица о сделанном англичанами предложении и просил его срочно сообщить свое мнение по этому вопросу²¹. Характеризуя высказанное предложение в телеграмме наркому, Суриц писал 10 мая: «Оно втягивает нас автоматически в войну с Германией» из-за данных Англией и Францией «без согласия и без согласования с нами обязательств»²². Исходя из этих и других подобного рода соображений, нарком сформулировал свою позицию.

14 мая 1939 года В.М. Молотов вызвал английского посла У. Сидса и вручил ему памятную записку, содержащую ответ на английское предложение. В ней говорилось: «Английские предложения не

содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развёртывания агрессии в Европе необходимо: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны трёх великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая страны Прибалтики и Финляндию; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи»²³.

Оценивая советские предложения от 14 мая, полпред в Лондоне И.М. Майский в своём дневнике отметил, что они поставили «британское правительство в очень трудное положение. Наши предложения ясны, просты, разумны и способны апеллировать к сознанию простого человека»²⁴. «С другой стороны, — продолжал полпред, — гарантии, данные Великобританией Польше, Румынии и Греции, делают безусловно необходимым достижение договорённости с Советским Союзом, поскольку чего-то реального Великобритания и Франция для Польши или Румынии сделать не смогут. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьёзной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать»²⁵.

Только 25 июля английское, а на следующий день и французское правительства приняли предложение СССР приступить к переговорам о заключении военной конвенции и выразили готовность послать своих представителей в Москву²⁶. Переговоры начались 12 августа.

Все перипетии этих завершившихся безрезультатно переговоров хорошо известны. Нет смысла ещё раз рассматривать их ход. Следует только обратить особое внимание на те реальные цели, которые преследовали стороны. Так, инструкция для отправлявшейся в Москву британской делегации прямым текстом предписывала «вести переговоры весьма медленно»²⁷, стараясь избегать конкретных обязательств: «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определённое обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»²⁸.

Совершенно другой была позиция советского руководства. Глава французской делегации генерал Ж. Думенк, докладывая о ходе переговоров в военное министерство Франции, в телеграмме от 17 августа 1939 года констатировал: «Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения»²⁹.

Главным камнем преткновения стал вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии. Дело в том, что на тот момент СССР не имел общей границы с Германией. Поэтому было непонятно, каким образом в случае начала войны советские войска смогут вступить в боевое соприкосновение с германской армией. На заседании военных делегаций 14 августа 1939 года К.Е. Ворошилов задал по этому поводу конкретный вопрос: «В общем абрис весь понятен, но положение Вооружённых Сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе»³⁰. Для того чтобы Красная армия могла с первых же дней войны принять участие в боевых действиях, советские войска должны были пройти через польскую территорию. При этом зоны их прохода строго ограничивались: район Вильно (так называемый Виленский коридор) и Галиция³¹. Глава французской делегации генерал Ж. Думенк в телеграмме военному министру Франции от 15 августа 1939 года подчёркивал: «Отмечаю большое значение, которое с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения»³².

Однако поляки об этом и слышать не хотели. Так, вечером 19 августа 1940 года маршал Э. Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»³³. А министр иностранных дел Польши Ю. Бек сообщил французскому послу в Варшаве Л. Ноэлю: «Мы не допустим, что в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками»³⁴.

В датированном декабрем 1938 года докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска Польского подчёркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в

разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»³⁵.

В ходе военных переговоров с Великобританией и Францией советское руководство ещё раз убедилось в справедливости слов одного из литовских дипломатов, на которого ссылался в своем дневнике Г.А. Астахов: «В случае войны СССР будет нести на себе основную тяжесть жертв, в то время как Англия и Франция закопаются в землю и будут ограничиваться перестрелкой и пусканием ракет. Решающих действий на западном фронте не произойдет»³⁶.

Не добившись толку от Англии и Франции, СССР заключил договор о ненападении с Германией.

Что касается моральной точки зрения, то следует отметить, что никакие представители западной демократии не имеют права обсуждать договор СССР с Германией. Как справедливо заметил американский журналист У. Ширер, «если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повёл себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая всё равно отказалась от советской помощи?»³⁷.

То же можно говорить и об оценках с точки зрения так называемых ленинских норм внешней политики, от которых якобы отошёл СССР, подписывая договор с Германией.

Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, и в результате вместо того, чтобы блокироваться против него, Германия и Англия с Францией начали войну между собой. СССР получил возможность вступить в войну позже других участников, имея к тому же некоторую свободу выбора — на чьей стороне выступить.

Советское руководство, анализируя развитие событий в ходе начавшейся Второй мировой войны, делало вывод, озвученный И.В. Сталиным 7 сентября 1939 года в ходе беседы с руководителями Коминтерна: «Война идёт между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем

маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»³⁸.

Необходимо также учитывать, что летом 1939 года советские войска вели тяжёлые бои с японцами на реке Халхин-Гол. Поскольку Япония была союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту, заключение советско-германского договора было воспринято в Токио как предательство. По этому поводу временный поверенный в делах СССР в Японии Н.И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 года сообщал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь»³⁹.

Отношения между Третьим рейхом и его дальневосточным союзником оказались изрядно подпорчены. Вследствие этого японские правящие круги сделали выбор в пользу «Южного варианта», предполагавшего войну с Англией и США. Как известно, после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против Советского Союза.

Таким образом, заключив 19 августа 1939 года советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа — так называемый пакт Молотова — Риббентропа, СССР смог отодвинуть на некоторое время войну от своих границ.

Советское правительство учитывало, что провозглашённые А. Гитлером ещё в 1925 году на страницах «Майн кампф» идеи об «обращении на Восток» и расширении немецкого жизненного пространства за счёт Советского Союза неоднократно повторялись им как до прихода к власти, так и после, в том числе на первой встрече с генералами рейхсвера 3 февраля 1933 года. Однако в «ступенчатой программе» агрессии, как её назвал немецкий историк А. Хильгрубер, Гитлеру предстояло пройти ряд этапов до осуществления своего плана «разгрома большевизма», что и было последовательно осуществлено сначала в 1938 году (Австрия, Чехословакия, Мемель), затем в 1939-м (Польша) и, наконец, в 1940 году (Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Франция). Но даже в период действия советско-германского договора он неоднократно говорил о том, что «...его внешняя политика и в дальнейшем будет направлена к тому, чтобы разгромить большевизм» (свидетельство адъютанта А. Гитлера полковника Н. фон Белова). Обосновывая перед генералитетом 22 августа 1939 года заключение пакта о ненападении с Советским Союзом, Гитлер заявил, что «тем не менее, позже

разгромит СССР». Уже 17 октября 1939 года им был отдан приказ о подготовке бывшей польской территории для «развёртывания войск»⁴⁰. Непосредственно перед нападением на Францию Гитлер указал, что после этой операции вермахт должен быть готов «к большим операциям на Востоке».

К сожалению, в полной мере воплотить в жизнь советские планы не представилось возможным. Западные державы были легко разгромлены, и в руках у Гитлера оказались ресурсы почти всей Европы. Однако даже с учётом этого обстоятельства советско-германское соглашение на то время являлось наилучшим выходом в сложившейся к августу 1939 года ситуации. В условиях надвигавшейся войны в Кремле было решено принять настойчиво предлагавшееся гитлеровской Германией улучшение отношений между двумя странами. Кроме того, германские дипломаты ясно давали понять, что они готовы идти на далеко идущие уступки пожеланиям СССР⁴¹.

Уже после окончания войны У. Черчилль в своих мемуарах писал о советско-германском договоре: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу “поодиночке”. Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской дипломатии за несколько лет»⁴².

В аргументации сторонников отделения прибалтийских республик от СССР как в 1990-е годы, так и в настоящее время наиболее часто используется утверждение, что договор от 23 августа 1939 года привел к «советской аннексии» Эстонии, Латвии и Литвы, то есть активно эксплуатируется тезис о советской оккупации. Обращает на себя внимание, что нижняя хронологическая граница для периода оккупации относится при этом к летним месяцам 1940 года — времени принятия парламентами государств Балтии актов о присоединении к СССР. В силу этого даже крайняя ангажированность эстонских, латвийских и литовских историков не позволяет им видеть в факте ввода советских войск акт оккупации, и тем самым они косвенно признают его объективную обусловленность. Трудно отрицать и тот факт, что советская сторона исключительно корректно

выполняла статьи пактов о взаимопомощи, не допуская вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь балтийских государств.

Война в Европе, осознававшаяся советским руководством как реальная угроза столкновения в краткосрочной перспективе с Германией (заключённый в августе 1939 г. пакт рассматривался лишь в качестве временной отсрочки), побуждала к поиску дополнительных гарантий безопасности.

Подписание соответствующих соглашений с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы о создании на территории государств Балтии советских военных баз становилось именно такими гарантиями: не только в собственно военной сфере, но и в политической, поскольку эти соглашения воспрепятствовали процессу военно-политического сближения этих стран с Германией.

У. Черчилль, указывая на жизненную необходимость для СССР улучшить свои стратегические позиции в преддверии войны с Германией, отмечал: «Им (Советам) нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»⁴³.

При оценке факта ввода советских войск на территорию прибалтийских государств следует учитывать, что мировым сообществом в то время происшедшее было воспринято с пониманием — как объективно вынужденная мера, а не проявление экспансионистских замыслов. Фактически такое развитие событий было предопределено тем, что на протяжении всех 1930-х годов ведущие европейские державы отказывались предоставлять государствам Балтии какие-либо гарантии, считая неизбежной их абсорбцию либо Германией, либо СССР. Отстраненно наблюдать, как Прибалтика быстро превращается в зону исключительно германского влияния со всеми вытекающими из этого последствиями, советское политическое руководство не могло.

Было решено пойти на подписание договоров, учитывая незаинтересованность великих держав Европы в делах Прибалтики. Используя англо-франко-германские противоречия, СССР удалось установить контроль над стратегически важным регионом, усилить

свои позиции на Балтийском море и создать плацдарм против Восточной Пруссии.

Здесь следует учитывать и фактор пространства, который неразрывно связан с фактором времени. Чем с большего расстояния начинали бы своё наступление немецкие войска, тем больше должны были снижаться возможности его продолжения. Ход Великой Отечественной войны показал, что этот фактор способствовал срыву планов гитлеровцев.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 года, используемый в прибалтийских государствах в качестве основы для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР в тайном сговоре, в результате которого Эстония, Латвия и Литва вошли в его состав (следует отметить — по просьбам правительств и парламентов этих государств абсолютно добровольно), с точки зрения международного права был абсолютно правомочен. Все договоры, в том числе и этот, внесены в реестр Лиги Наций, членами которой могли являться только суверенные государства — субъекты международного права.

Вместе с тем следует отметить, что ни положения договора 23 августа 1939 года, ни устные договорённости, достигнутые в ходе консультаций, не устанавливали государственных границ между странами. Договор Советского Союза с Германией о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года по своей сути являлся договорённостью «о невмешательстве» этих стран «в пределы определённых государств или территорий»⁴⁴. Так, объявление Литвы и значительной части Польши «сферой влияния» Германии в практике отношений последней с Советским государством «могло означать, что СССР не начнёт войны, если германские войска войдут на территорию этих стран»⁴⁵.

Руководство СССР, заключив новые соглашения о размещении дополнительных контингентов советских войска и сил флота в июне 1940 года в развитие заключённых осенью 1939-го соглашений, ввело их и начало готовить и осваивать занятые оборонительные рубежи в преддверии нападения нацистской Германии на Советский Союз.

Ради исторической правды надо сказать, что значительная доля ответственности за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на «малых» странах

Европы. Романтическая вера в справедливость и защиту со стороны западных демократий, заигрывание вместе с тем с гитлеровской Германией, антисоветская зашоренность (нередко с антирусскими элементами) превратили их на некоторое время в фишки на мировой политической доске, где они не могли повлиять на ход событий⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 <http://www.inosmi.ru/translation/239456.html>

2 Там же

3 Там же.

4 Мельтюхов М.И. Советско–польские войны: Белый орёл против красной звезды. 2–е изд., испр. и доп. М.: Эксмо; Яуза, 2004. С. 285.

5 В 1924 г. из 384 тыс. жителей Данцига и прилегающей области 95 проц. были немцами. См.: Большая советская энциклопедия. 1–е изд. Т. 20. М., 1930. С. 414.

6 Там же. С. 421

7 Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 285.

8 Там же. С.294.

9 Год кризиса, 1938—1939: Документы и материалы: В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. С. 392.

10 Год кризиса, 1938—1939... Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 351.

11 Цит. по: Фуллер Дж.Ф.Ч. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Иностранная литература, 1956. С. 37.

- 12 Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 книгах. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. 1. С. 173.
- 13 Год кризиса, 1938—1939.. Т. 1. С. 6.
- 14 Там же. С. 386, 387.
- 15 Там же. Т. 2. С. 391.
- 16 Там же.
- 17 Документы внешней политики (ДВП) [СССР]: 1939. Т. XXII: В 2 кн. М., 1992. Кн. 1: Январь—август. С. 339.
- 18 Там же. С. 338.
- 19 Год кризиса. 1938—1939... Т. 1. С. 389.
- 20 Там же. С. 438, 439.
- 21 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 342.
- 22 Там же. С. 355.
- 23 Там же. С. 363.
- 24 Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002: В 3 т. Т. 2. 1917—2002 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 245.
- 25 Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 130.
- 26 Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 403.
- 27 Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Сб. материалов в 2-х т. Т. 2. Январь—август 1939 г. М., 1981. С. 168.
- 28 Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 192, 193.
- 29 Там же. С. 267.

30 Там же. С. 212.

31 Там же. С. 216.

32 Там же. С. 228, 229.

33 Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. Е. Федотова. М.: Воениздат, 1972. С. 301.

34 Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 279.

35 Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Т. III. Warszawa, 1968. S. 262, 287.

36 ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 588.

37 Черчилль У. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

38 1941 год: В 2 кн. Книга 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 584.

39 Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 322.

40 См.: Generaloberst Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939—1942. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962—1964: Bd. 1. Vom Polenfeldzug bis zum Ende der Westoffensive (14.8.1939—30.6.1940). Stuttgart: W. Kohlhammer VI, 1962. S. 107.

41 Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002: Т. 2. С. 255.

42 Черчилль У. Указ. соч. С. 179, 180.

43 Там же.

44 Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М.: Издатель Быстров, 2007. С. 232.

45 Там же. С. 233.

46 Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—
2002. Т. 2. С. 255.